

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 127

(Апрѣль).

1909.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

**Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей**

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Противъ видимыхъ враговъ, когда они раздражаютъ насъ, надлежитъ употреблять молчаніе.—Молчаніе надлежитъ умирять, а во гнѣвѣ подобаетъ молчать.—Да святится имя Твое! Свящ. С. Козубовскаго.—Чѣмъ жива наша русская православная душа. Нікона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.—Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матвѣевича Рынина (подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).—Изъ приходской жизни. Мольба безъ пива.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матѣевича Рынина (подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).

27 марта 1837 года улицы города Вологды, ведущія отъ Власьевской церкви къ Богородскому кладбищу, запружены были народомъ. Казалось, что сюда собрался весь городъ, не смотря на то, что въ тотъ день стояла ненастная погода—оттепель и шелъ дождь. Хоронили Николая Матѣевича Рынина, юродиваго, въ прозорливость котораго вѣрили многіе, испытавшіе правду его словъ въ событіяхъ своей жизни. Глубоко уважая покойнаго, всякъ старался протискаться къ его гробу, чтобы проститься съ нимъ, отдать ему послѣдній долгъ. Очевидцы рассказываютъ, что отъ гроба разносилось необыкновенное благоуханіе. Въ толпѣ слышался крикъ бѣсноватыхъ, съ пѣной валявшихся по землѣ, раздавались рыданія и вопли. Народъ останавливалъ гробъ. Шествіе совершалось весьма медленно, и когда оно вступило въ ограду кладбища, съ соборной колокольни понеслись звуки колокола къ вечернѣ и вспомнились тогда слова брата Николая Матѣевича—Ивана, не пожелавшаго исполнить завѣтъ покойнаго—похоронить его въ Прилуцкомъ монастырѣ, потому что погребеніе здѣсь сопряжено было для брата съ большими заботами,—братъ съ сердцемъ говорилъ: „ну, его дурака, пожалуй къ вечернѣ туда въ монастырь не довезти“... Тѣло Николая Матѣевича принесено было на Богородское кладбище съ благовѣстомъ къ вечернѣ.

Николай Матѣевичъ былъ Божій человѣкъ, происходилъ онъ изъ купеческаго званія, родился 9 мая 1777 года и крещенъ во Власьевской, г. Вологды, церкви, въ приходѣ которой находился двухъэтажный полукаменный съ солодовеннымъ заводомъ домъ отца его Матѣя Ивановича Рынина (домъ сохранился и донинѣ, хотя принадлежитъ наслѣдникамъ купца К. Девяткова). Въ дѣтствѣ Николай Матѣевичъ научился читать и писать. Послѣ него остались двѣ тетради, писанныя его рукою: въ нихъ надъ многими словами поставлены титлы. Неизвѣстно, что дало душѣ Николая Матѣевича благодатный толчекъ, но достовѣрно, что еще въ молодыхъ годахъ онъ возжелалъ жить для Бога и Ему Одному послужить. Богатство, прелести міра, всѣ улады, которыми Николай Матѣевичъ могъ пользоваться, благодаря имѣющимся средствамъ, онъ отвергъ. „Иди, продай имѣніе твое и отдай нищимъ“—эти слова Спасителя, смутившія юношу, ушедшаго съ печалью отъ Христа, запали въ сердце Рынина. Онъ увидѣлъ, что ему невозможно двумъ господамъ работать, что богатство для него трудное иго: если онъ останется прежнимъ человѣкомъ

предъ нимъ открывается опасный путь, полный соблазновъ и искушеній. Онъ роздалъ имѣніе нищимъ и самъ сдѣлался нищимъ. Теперь Николай Матѣевичъ не сталъ имѣть своего крова, не имѣлъ гдѣ главу преклонить. Міръ счелъ его за безумца; дѣйствительно, съ мірской точки зрѣнія его поступокъ былъ страннымъ, ненормальнымъ, безумнымъ. Николая Матѣевича занимало то, что едино на потребу. Онъ отдался молитвѣ. Утромъ можно было его видѣть постоянно за богослуженіемъ въ храмахъ города; ночью, когда всѣ спали, онъ отдавался бесѣдѣ съ Богомъ въ тиши, въ уединеніи, гдѣ его никто не видѣлъ. Покойный Андрей Ивановичъ Бѣляковъ до нѣкотораго времени считалъ Рынина сумасбродомъ и даже смѣялся надъ нимъ. Какъ-то имъ пришлось быть вмѣстѣ на праздникъ въ Прилукахъ у общихъ знакомыхъ—Бабушкиныхъ. Хозяева оставили гостей ночевать, размѣстивъ ихъ въ смежныхъ комнатахъ. У Бѣлякова ночью разболѣлись зубы, да такъ сильно, что онъ ни на минуту не могъ заснуть. Въ теченіи ночи, какъ ни посмотритъ Бѣляковъ на постель Рынина, все она пуста. Куда пропалъ онъ? думаетъ больной. Ужъ предъ утромъ Бѣляковъ замѣтилъ Николая Матѣевича стоящимъ предъ иконами въ углу своей комнаты и горячо молящимся. Значитъ, онъ молился всю ночь, заключилъ тогда Бѣляковъ, измѣнилъ свое прежнее мнѣніе о Рынинѣ, и замѣчательно, что даже зубная боль у него съ того момента прекратилась. Когда Николай Матѣевичъ заходилъ въ родительскій домъ, многіе видали, что онъ бывало въ лѣтнее время сядетъ въ открытое окно и, обратившись лицомъ къ Власіевскому храму, постѣ, забывая все окружающее, церковныя пѣснопѣнія. Любимымъ его мѣстомъ для молитвы и уединенія являлся Прилуцкій монастырь, отстоящій отъ Вологды въ 5 верстахъ, куда онъ часто ходилъ и подолгу пребывалъ: у раки Преподобныхъ Димитрія и Игнатія, на паперти храма, въ тѣни деревьевъ. Замѣчательно, что любовь къ обители Св. Димитрія передалась отъ дяди къ племянницѣ, которая тоже, оставивъ радости міра, проводила жизнь какъ птица небесная, научая насъ своимъ примѣромъ не пристращаться къ землѣ, помнить о своемъ высокомъ назначеніи, о Царствѣ Божіемъ.

Николай Матѣевичъ скитался съ мѣста на мѣсто, подолгу проживалъ въ Вологдѣ, Кадниковѣ, Тотмѣ, гдѣ не мало было лицъ, его уважавшихъ. Онъ ходилъ съ большимъ посохомъ въ рукѣ, зимой и лѣтомъ безъ шапки (иногда голову повязывалъ полотенцемъ), въ синемъ холщевомъ балахонѣ; подъ нимъ онъ носилъ длинную бѣлую рубаху, на ногахъ кожаные опорки. Велъ себя Николай Матѣевичъ какъ то странно. Придетъ, бывало, къ знакомымъ запачканный смолой, пригласятъ пить чай, выпьетъ полчашки, а остальное выльетъ себѣ на голову. Огневый взглядъ его черныхъ глазъ проникалъ въ глубину сердца. Иные боялись

Рынина, боялись его обличенія. Не смотря на внѣшнюю строгость, онъ обладалъ любвеобильнымъ, нѣжнымъ сердцемъ.

Рабъ Божій попадалъ и въ домъ умалишенныхъ. Конечно, почтеніе къ нему отъ этого не уменьшалось, если не увеличивалось. И туда многіе ходили къ нему за совѣтомъ. Вотъ что рассказываетъ устами своего ученика о своемъ, вмѣстѣ съ родителями, посѣщеніи Рынина въ сумасшедшемъ домѣ извѣстный вологжанинъ Архимандритъ Николо-Угрѣшскаго монастыря Пименъ, тогда еще Петръ Димитріевичъ Мясниковъ, рѣшившійся принять иночество и предъ столь важнымъ шагомъ жизни отправившійся поклониться святынямъ Кіева, чтобы у Печерскихъ подвижниковъ испросить благословеніе на трудный путь монашества. „Рынинъ былъ изъ Вологодскаго купчества, лѣтъ слишкомъ сорока, высокій, худощавый, съ длинными растрепанными волосами и черной бородой; говорилъ отрывисто и скороговоркой, густымъ хриплымъ басомъ. Рынинъ ходилъ по комнатѣ, былъ въ веселомъ расположеніи духа, встрѣтилъ вошедшихъ съ посохомъ въ рукѣ и, постукивая имъ по полу, повторялъ неоднократно: „Никола никуда не ходитъ, Никола никуда не ходитъ“. Впослѣдствіи о. Пименъ вспомнилъ, что дѣйствительно вся жизнь его прошла подъ особымъ покровительствомъ Святителя Николая: онъ родился въ приходѣ Николы на площади (въ Вологдѣ), росъ у Николы на Глинкахъ (здѣсь былъ домъ родителя о. Пимена) и поступилъ въ 1834 г. къ Николѣ на Угрѣшу, находился до своей кончины, болѣе 46 лѣтъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Интересенъ другой случай въ жизни о. Пимена. „Мы были еще дѣтьми, сестры и я, рассказывалъ о. Архимандритъ. Думаю, что это случилось въ началѣ 1820 годовъ, мы какъ-то разъ сидѣли и учились, вдругъ вбѣжалъ въ комнату Николай Матѣевичъ Рынинъ и громко какимъ-то неистовымъ голосомъ сталъ кричать: „Готовьте на ризы, на рясы, на шапки, на шапки“, приговаривая и еще что-то такое; но только тогда никто изъ старшихъ не обратилъ на это вниманія, а мы, дѣти, не поняли, а можетъ быть и перезабыли“... (Архим. Пименъ. Москва 1881 г. стр. 17). И что же? Не смотря на крутой характеръ отца, не слишкомъ расположеннаго къ монашеству, двѣ дочери съ согласія родителя ушли въ Горицкій Троицкій монастырь, а Петръ Димитріевичъ подъ вліяніемъ чтенія Библии и бесѣдъ съ извѣстнымъ епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, тогда еще послушникомъ, почувствовавшій стремленіе къ иночеству получилъ благословеніе отца и сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ Архимандритомъ, котораго Архiepископъ Леонидъ (Ярославскій) называлъ „самородкомъ золота“.

Рынина считали провидцемъ. Было не мало поводовъ видѣть въ немъ необычнаго человѣка, въ его рѣчахъ—особенный смыслъ, ясно открывавшійся потомъ, по времени, а иногда тутъ же въ моментъ произнесенія ихъ. Замѣчателенъ случай, передаваемый

благочестивой старушкой 93 лѣтъ, дворянкой Татьяной Алексѣевной Чуровской. Къ ней часто ходилъ Николай Матѣевичъ. Однажды она сидѣла у себя въ квартирѣ и разговаривала съ братомъ—помѣщикомъ. Взглянувъ случайно въ окно, она увидѣла на углу улицы Рынина. Вотъ Николай Матѣевичъ идетъ, сказала она брату.

— Это шатунъ-то? Онъ только бродить, да народъ обманываетъ, замѣтилъ помѣщикъ.

Рынинъ сталъ подходить къ дому и Татьяна Алексѣевна зазвала его: „Николай Матѣевичъ, зайди къ намъ!“ крикнула она ему въ окно.

— Ладно, матушка, зайду, отвѣчалъ онъ съ улицы. Скоро Рынинъ былъ въ лакейской (прихожей) и, къ удивленію хозяйки, дальше лакейской не шелъ, чего ранѣе съ нимъ не случалось.

— Николай Матѣевичъ, проходи въ комнату, любезно приглашала его хозяйка.

А онъ отвѣчалъ:—да стоитъ-ли, матушка, въ комнату-то заходить мнѣ, шатуну, да обманщику, что бродить да народъ обманываетъ?

При этихъ словахъ у брата волосы на головѣ встали дыбомъ.

Таже Чуровская рассказываетъ, что въ одно изъ своихъ посѣщеній Николай Матѣевичъ засталъ у нея прѣхавшую изъ деревни двоюродную сестру, помѣщицу. У Рынина въ рукахъ была трехкопѣечная восковая свѣчка.

— Возьми свѣчку, возьми, подавая ее сестрѣ, говорилъ онъ.—

— На что же мнѣ свѣчка, Николай Матѣевичъ? возражала женщина.

— Возьми, возьми, пригодится, настаивалъ онъ. Возвратившись домой, сестра узнаетъ, что у нея скоропостижно умерла дочь и свѣчка, дѣйствительно, пригодилась къ панихидѣ.

Въ Вологдѣ распространилась холера. Народъ умиралъ. Однажды, въ воскресный день, Николай Матѣевичъ вошелъ въ храмъ Зосимы и Савватія, гдѣ молилась губернаторская семья, и всталъ рядомъ съ губернаторомъ. Юродивый весь былъ покрытъ смолой. Губернаторъ отодвинулся отъ него.—Я боюсь, чтобы не заразился, сказалъ Рынинъ...

Вскорѣ отъ холеры умерла сестра губернатора, но самъ губернаторъ остался невредимъ. Появленіе въ городѣ холеры Рынинъ предвѣщалъ заранѣе. Мѣщанка Анна Пищ—на, 83 лѣтъ, рассказываетъ, что однажды, придя къ нимъ въ домъ, онъ сталъ настойчиво требовать, чтобы мать ея помазала всѣ углы дома дегтемъ.

— Купи дегтю, говорилъ онъ, здѣсь помажь и здѣсь, и здѣсь указывалъ палкою на всѣ углы комнаты.

— Да зачѣмъ же это, Николай Матѣевичъ? недоумѣвала мать.

— Надо, твердилъ онъ, купи дегтю, помажь.

Мать, чтившая Рынина, исполнила его приказаніе, поставила

въ каждый уголъ дома по пузырьку съ дегтемъ. Черезъ недѣлю въ городѣ открылась холера, многіе умирали, но семейные Пищ—ной избавились отъ посѣщенія ихъ дома страшной гости.

— Моей матери предсказалъ мое рожденіе, передавала намъ благочестивая старушка Г. С. Гр—ва.—Родители мои жили въ Кадниковѣ и занимались торговлею. До меня у нихъ родилось три дѣвочки. Матери страшно хотѣлось имѣть сына. Когда она носила меня во чревѣ, случилось ей быть въ Вологдѣ. Идетъ по улицѣ, а на встрѣчу ей Николай Матѣевичъ, и вдругъ, безъ всякаго съ ея стороны повода, отвѣчаетъ ей на занимавшій ее вопросъ:—Здравствуй, кукла (любимое выраженіе), говорятъ, что въ какомъ-то городѣ купчиха дѣвочку родила.

— Это ты мнѣ, Николай Матѣевичъ, предсказываешь опять дѣвочку, запечалилась мать.

Родилась я. Разсказывали, что Рынинъ былъ въ день моихъ крестинъ въ нашемъ домѣ и послѣ того мать мою звалъ кумой.

Въ Кадниковѣ Николай Матѣевичъ радушный пріюти находитъ въ домѣ Дьякова, но съ любовью его принимали многіе горожане и весьма дорожили его посѣщеніями. Для Божьего человѣка рады были сдѣлать все. Однажды, передаетъ та же Гр—ва, мылся онъ въ нашей банѣ. Сердечная мать подумала про себя: дать бы Николаю Матѣевичу бѣлье (у него все одно), но какъ предложить? Задумалась. Вымылся гость и вдругъ бѣжитъ изъ бани нагой, только чресла свои препоясалъ старой рубашкой.— „Кума, дай бѣлье-то!“ Онъ узналъ мысли хозяйки.

Домъ нашего отца, сообщалъ намъ К. П. Пан—евъ, находился у Николы на Глинкахъ. Разъ ночью Рынинъ стучится въ окно.— Вы вѣдь горите, кричитъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ. Посмотрѣли, нѣтъ ничего. Успокоились. Телеграфа тогда не было. Потомъ оказалось, что въ тотъ день и часть, въ который стучался Рынинъ, сгорѣла наша мельница въ Архангельскѣ.

— Рынинъ имѣлъ даръ прозорливости, разсказывала одна интеллигентная женщина Л. Д. Мило—ва. Извѣстны мнѣ такіе случаи. Моей знакомой старушкѣ онъ далъ нѣсколько кусочковъ сахара. Она бережно хранила ихъ въ сахарницѣ, гдѣ находились у нея деньги.—Деньги не переводились, такъ что ими она нерѣдко снабжала и своихъ родственниковъ. Вдругъ сахаръ растаялъ, перевелись и деньги.—Одному гимназисту Николай Матѣевичъ говорилъ, указывая рукой на небо: „высоко поднимешься“. Тотъ кончилъ университетъ, хорошо служилъ и достигъ солиднаго поста Предсѣдателя Судебной Палаты. Моему свекору О. Ан—ью онъ предсказалъ пожаръ въ О—ѣ, гдѣ священствовалъ свекоръ, дѣйствительно сгорѣла церковь и дома причта. Несчастія Рынинъ многимъ предвѣщалъ. Разъ, сообщаетъ Пищ—на, приходитъ онъ къ нѣкоей Марьѣ Ивановнѣ, портнихѣ, и говорить ей: Марья Ивановна, умойся.—Да я уже умылась, Ни-

колай Матѣевичъ.—Нѣтъ, умойся, умойся, черна ты больно, настаиваетъ Рынинъ. Вечеромъ она скоропостижно скончалась.

Другой случай. Рынинъ былъ въ Грязовцѣ. Зайдя въ одинъ знакомый домъ, онъ говорилъ хозяйкѣ его: Помни 22 число, смотри, помни же.—Для чего мнѣ помнить это число?—Помни, тебѣ говорятъ, помни, наказывалъ онъ ей на прощаньи, причемъ, выходя изъ дома, поставилъ въ дверь лопату. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Насталъ праздникъ Казанской Божіей Матери 22 числа. Хозяйка дома заболѣла и умерла.

— Своему родному брату Ивану, рассказываетъ старушка Ан. Авд—ая,—Николай Матѣевичъ предсказалъ печальную кончину за много лѣтъ. Вбѣгаетъ онъ разъ въ комнату и накидываетъ на шею брату веревку. Иванъ Матѣевичъ окончилъ свою жизнь самоубійствомъ, задавившись на чердакѣ своего дома. Племяннику своему, Николаю Ивановичу, Рынинъ провѣщалъ жалкую судьбу.

— Убить бы его лучше, кричалъ онъ при видѣ только что родившагося у Ивана Матѣевича сына. Всѣ дивились необыкновенной выходкѣ юродиваго. Выросъ Николай Ивановичъ, женился на дочери богатаго человѣка Шергина, взялъ значительное приданое, но рано овдовѣлъ, запилъ, прекратилъ отцовскія дѣла, продалъ домъ и умеръ, оставивъ мать, Надежду Н—ну, влечить печальное существованіе и скорбѣть о своей тяжелой долѣ.

Рынинъ былъ вхожъ и къ знатымъ въ городѣ лицамъ, въ томъ числѣ къ мѣстному владыкѣ. Является онъ однажды къ преосвящ. Онисифору и говоритъ: у тебя въ шкафѣ-то 16 подрясниковъ, дай мнѣ одинъ.—На что же тебѣ? поинтересовался владыка.—Дай, дай!--Владыка распорядился удовлетворить желаніе юродиваго. Получивъ подрясникъ, Рынинъ вышелъ и во дворѣ архіерейскаго дома встрѣтилъ бѣдно одѣтаго человѣка, идущаго подать прошеніе владыкѣ объ опредѣленіи его на мѣсто. Ему и передалъ онъ владычный подарокъ.

Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матѣевича Рынина (подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).

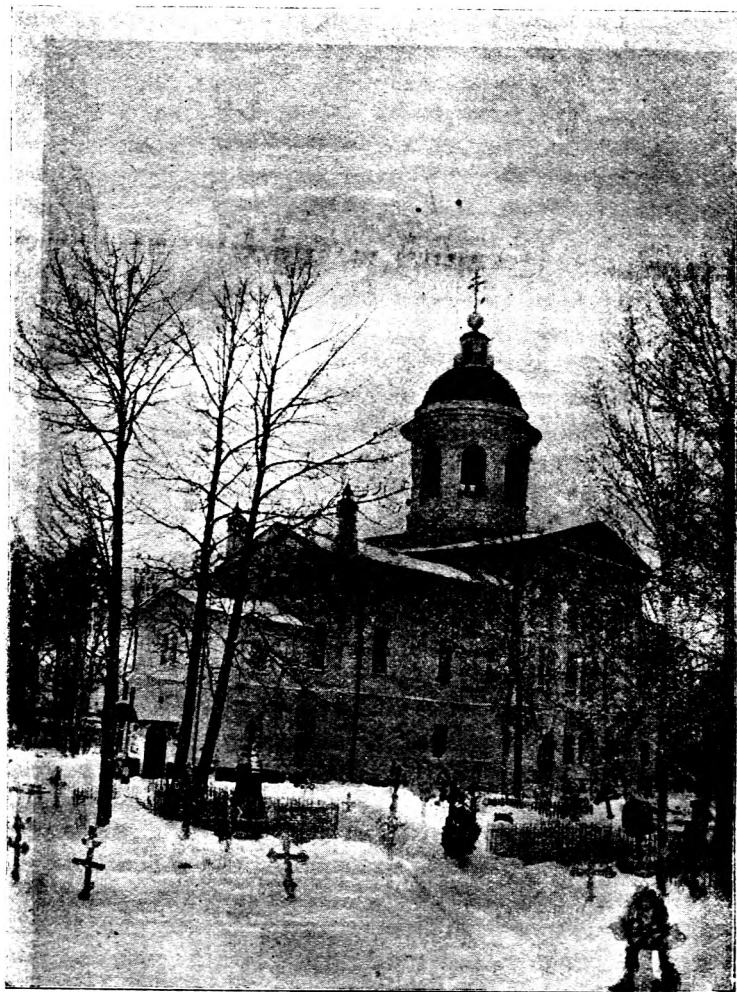
(Продолженіе).

Рынинъ носилъ съ собою всегда много кое-чего. Одному встрѣчному онъ дастъ печенки—къ горю, другому уголь:—скоро случалась смерть любимаго человѣка; кому хлѣба—это къ счастливой жизни. Бывали у Николая Матѣевича съ собою и сласти—гостинцы. Это для дѣтей. Онъ другъ дѣтей. И естественно, онъ шелъ по пути Христову. А Христосъ любилъ дѣтей: обнималъ ихъ, возлагалъ руки, указывалъ имъ въ примѣръ: „если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство Небесное“. Не смотря на строгій видъ юродиваго, дѣти бѣгали кругомъ его. Онъ ласкалъ ихъ съ большою нѣжностью и дѣти чувствовали искреннюю доброту его сердца. Школьники, бывало, внимательно замѣчали дѣйствія добраго человѣка, видя въ нихъ то счастливыя, то непріятныя для нихъ предзнаменованія: ударить легонько школьника по плечу—быть въ тотъ день высѣченнымъ за что нибудь. Конечно, неблаговоспитанныя и рѣзвыя дѣти наносили Николаю Матѣевичу и обиды, которыя онъ терпѣлъ ради Бога. Лѣтомъ, рассказываетъ купеческая дочь Ю. П.—на Бѣлякова, одинъ слѣпой сидѣлъ на галлерей нынѣшней гостиницы „Пассажъ“ и просилъ милостыню. Проходитъ мимо него Рынинъ. Уличные мальчишки, увидѣвъ юродиваго, стали бросать въ него песокъ съ дороги; пыль попала въ глаза слѣпому и причинила ему боль. Онъ сталъ тереть глаза, а Рынинъ и говоритъ ему: „три, три“; слѣпой получилъ возможность видѣть.

Николай Матѣевичъ считался другомъ дѣтей и послѣ смерти (она послѣдовала 19 марта). Матери водили своихъ сыновей и дочерей къ могилѣ праведнаго человѣка, брали песочекъ изъ могильной насыпи и водой съ этимъ песочкомъ поили своихъ

больныхъ дѣтей; причемъ, по вѣрѣ благочестивыхъ женщинъ, дѣти ихъ получали облегченіе отъ болѣзней. Предъ экзаменами, передавала одна дама Воронова,—когда мы учились въ гимназій, бабушка водила насъ на Богородское кладбище на могилку къ

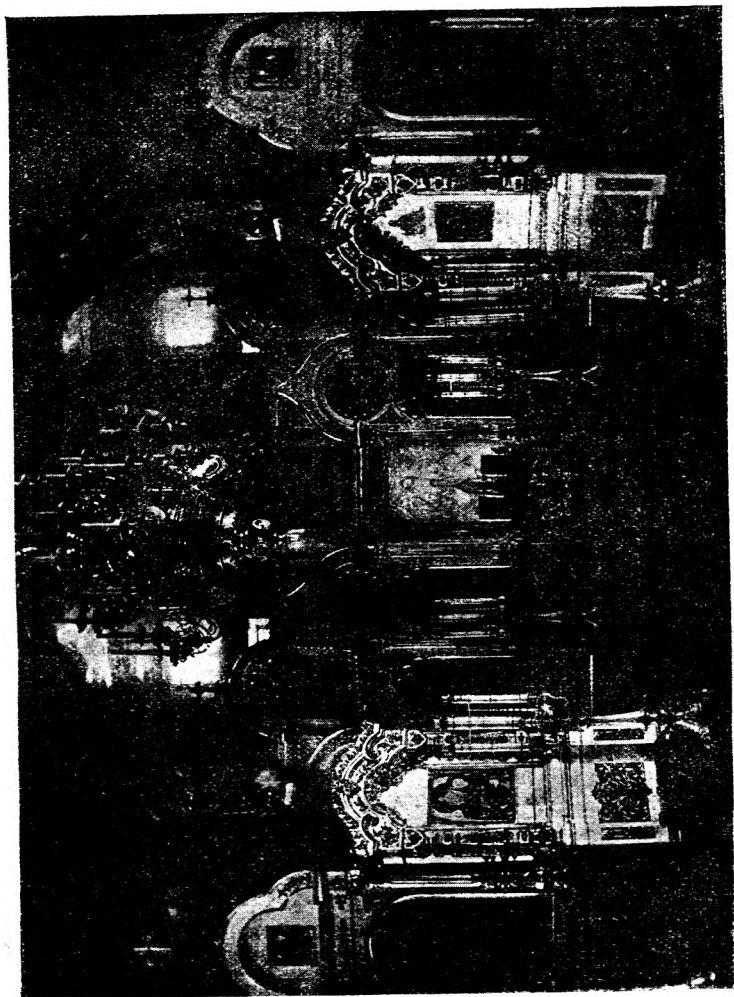

Кладбищенская Богородицкая церковь.

Рынину, мы тамъ молились и брали песочекъ. Приходили и приходять на могилу Рынина не только Вологжане и жители окрестныхъ весей, но и пріѣзжающіе изъ Тотьмы, Устюга, Архангельска и другихъ городовъ.

Несомнѣнный фактъ благодатной помощи по вѣрѣ отъ упо-

требленія песочка сообщила помянутая ранѣе Г. С. Грачева.— Въ прежнее время Кадниковцы любили совершать паломничества въ Вологду, чтобы поклониться святынямъ, заходили они и къ могилкѣ Николая Матѣевича. Тетка моя въ одно изъ такихъ посѣщеній Вологды захватила землицы съ Рынинской могилы.

Внутренность церкви.

Въ Кадниковѣ тогда сильно хворала наша знакомая. Тетка пришла навѣстить ее и принесла съ собой землицы.

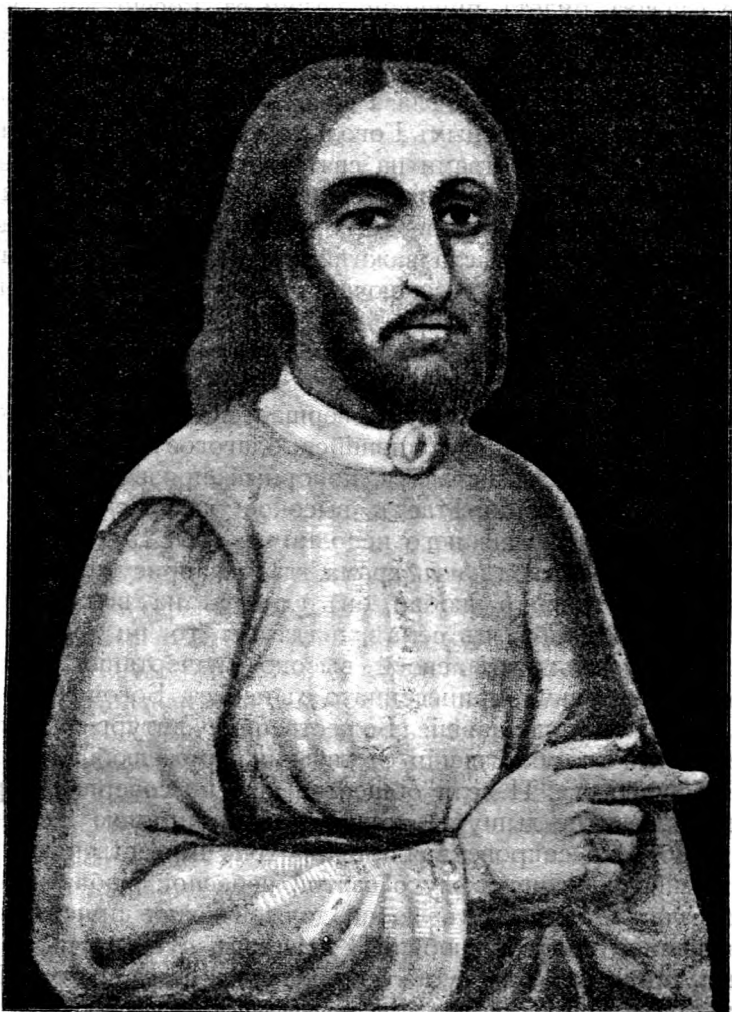
— Отъ тебя душистымъ ладономъ пахнетъ, не ладону ли принесла ты? вмѣсто привѣтствія такъ встрѣтила гостью больная.—Я принесла тебѣ песочекъ съ могилы Николая Матѣевича. Попей водицы съ нимъ, дай обѣщаніе отслужить на могилкѣ по

немъ панихиду, и, Богъ дастъ, будешь здорова. Больная послушала совѣта тетки и выздоровѣла.

Вдова Евгенія Н—на Девяткова, теткѣ которой Анфіи Я—нѣ Рынинѣ говорилъ, что его узнаютъ черезъ 70 лѣтъ, ежегодно служить панихиду по Рынинѣ уже въ продолженіи 40 лѣтъ по слѣдующему случаю. Въ первые годы замужества ее мучила лихорадка. Пользовавшіе больную врачи не помогали ей. Томимая жаждою, больная все просила у родныхъ квасу, чтобы утолить жажду, но тѣ, вслѣдствіе запрещенія врачей, долго не давали ей этого напитка; наконецъ, видя ея страданія, рѣшились уступить просьбѣ, наливъ полстакана квасу и вложивъ туда немного земли, взятой съ могилы Рынина, они подали больной. Та схватила съ жадностью стаканъ, но, отвѣдавъ квасу, сказала: какая мерзость, да тутъ еще и песокъ. Однако, благодаря нѣсколькимъ глоткамъ непріятнаго напитка, у больной явился сильнѣйшій потъ, она моментально почувствовала облегченіе и скоро совсѣмъ поправилась отъ болѣзни, которая не постигала ее съ прежнею силою и по настоящее время.

Служащій въ церкви Богородскаго кладбища 39 лѣтъ, протоіерей о. Іоаннъ Шадринъ, рассказываетъ такой случай. Это было въ 70 годахъ, въ началѣ зимы. Онъ пришелъ служить литургію, но пономарь Славороссовъ предупредилъ его, что какой-то молодой крестьянинъ проситъ поскорѣе отслужить панихиду на могилѣ Рынина. Священникъ, облачившись, отправился на могилу и отпѣлъ панихиду, во время которой болѣзненнаго вида крестьянинъ, упавъ на покрытую не толстымъ снѣгомъ могилу, горячо со слезами молился. Богомолецъ рассказалъ, что привлекло его сюда поистинѣ чудное выздоровленіе его однодеревенца—молодого парня отъ кумохи (лихорадки) послѣ того, какъ онъ помолился здѣсь на могилѣ, взявъ песочку и попилъ съ нимъ воды. Должно быть, берущимъ песочекъ съ вѣрою, по молитвамъ раба Божія, подавалась помощь отъ Господа, потому что могила его бывала вся изрыта и очень глубоко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матвѣевича Рынина

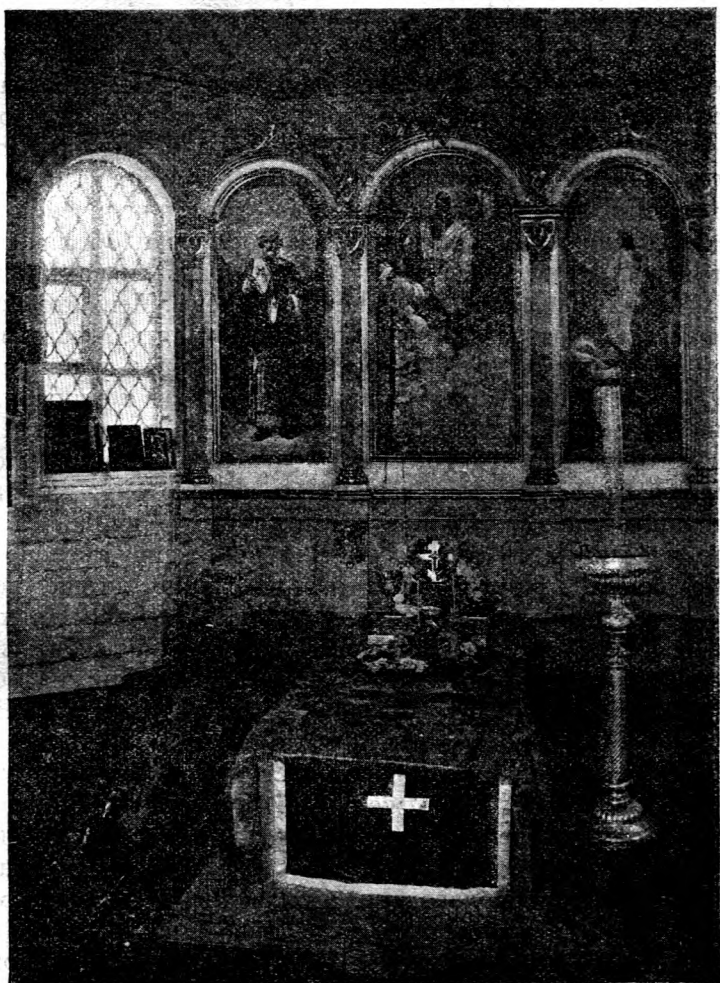
(подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).

(Окончаніе).

Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ почитателей памяти покойнаго Н. М. Рынина въ настоящее время является В. П. Чер—въ. Онъ сообщилъ причту Богородскаго кладбища слѣдующее. Впервые я узналъ о блаж. Николаѣ Матвѣевичѣ въ 1869 году, когда я познакомился съ старожилами Вологды старушками Ф. Н. и Е. Н. Садоковыми, нынѣ уже умершими. Онѣ знали хорошо при жизни Николая Матвѣевича и очень уважали его память. Онѣ-то мнѣ и указали нынѣ дорогу для меня могилу блаженнаго, ко-

торуя я сталъ часто посѣщать. Придешь, постоишь, поклонись и на душѣ станетъ легко. Вотъ тѣ особенные случаи, которые заставляли меня уважать эту могилу. 1) Когда я окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1871 году, я пріѣхалъ на лѣто въ Вологду. Наслышавшись о великихъ чудесахъ преп. Силвестра Обнорскаго и о красотѣ тамошняго мѣстоположенія, я пользуясь отдыхомъ послѣ ученья, вздумалъ пойти туда пѣшкомъ съ пятью или четырьмя простыми богомолками. Но, зная строгія правила моего отца (П. К. Черняева), я не рѣшился идти безъ его позволенія. И вотъ я объявилъ ему о моемъ намѣреніи идти къ преподобному Силвестру. Къ моему огорченію отецъ мнѣ не далъ своего позволенія и категорически объявилъ: „покаместъ я живъ, тебѣ у Силвестра не бывать“, и какъ моя мать его ни уговаривала онъ остался не преклоненъ. Меня это страшно обидѣло и я, чтобы разсѣяться, пошелъ погулять. Мѣстомъ моей любимой прогулки было Глинковское кладбище и любимая мною могила Н. М. Рынина. Такъ и при этомъ случаѣ я отправился на кладбище прямо на могилу блаженнаго. Стою на могилѣ и раздумываю: что такого худого было въ моемъ намѣреніи? Мысленно я обратился къ блаженному и какъ бы говорю ему: „Ты знаешь, Николай Матвѣевичъ, что мое желаніе было не дурное, а благочестивое, и если ты святой, то ты мнѣ поможешь въ исполненіи моего намѣренія“. Проговоривъ это мысленно, я еще немного постоялъ у могилы, поклонился и пошелъ домой. Прихожу и узнаю, что отецъ ни куда не ушелъ и сидитъ у себя въ кабинетѣ, куда мы, дѣти, не могли входить безъ особой надобности или разрѣшенія. Я усѣлся въ своей комнатѣ пить чай. Вдругъ слуга моего отца входитъ ко мнѣ и докладываетъ, что отецъ зоветъ меня въ кабинетъ. Вошелъ и стою ни живъ ни мертвъ: думаю мнѣ проборка. И что же? Отецъ подумавъ немного и посмотрѣвъ на меня, говоритъ: „Вотъ что... можешь идти къ преп. Силвестру“. Я сразу догадался, кто былъ за меня у отца ходатаемъ, и мысленно возблагодарилъ блаженнаго за его помощь и надо замѣтить, что путешествіе свое я совершилъ очень благополучно въ 4 дня (180 верстъ). 2) У моего отца жила прислуга на кухнѣ по имени Лукерья, у которой былъ юноша сынъ, по имени Абрамъ, нынѣ купецъ А. Н. Н—въ, который былъ отданъ въ мальчики въ какую-то лавку на Московской улицѣ. Онъ изрѣдка приходилъ къ матери, которая души въ немъ не чаяла. Разъ послѣ обѣда передъ вечернимъ чаемъ я вышелъ изъ дома, чтобы пройтись на кладбище. Вдругъ изъ кухни отца, которая была черезъ дворъ, выбѣгаетъ Лукерья и спрашиваетъ меня, не на кладбище ли я иду; я отвѣчалъ утвердительно; тогда узнаю я отъ Лукерьи, что къ ней пришелъ ее Абрамко и лежитъ весь въ жару и она, Лукерья, проситъ меня принести ей земельки отъ Николая Матвѣевича. Я исполнилъ это; она скатила съ земли

воды и обрызгала сына и черезъ короткій промежутокъ времени онъ всталъ съ постели здоровымъ и нынѣ здравствуетъ. 3) Въ Вологдѣ живутъ двѣ сестры вдовы Т. Д. С—ва и Е. Д. М—ва,

Внутренность часовни.

онѣ пріѣзжія, не коренныя жительницы Вологды и не имѣли понятія о Н. М. Рынинѣ. Какъ-то разъ, возвращаясь съ ними съ богомолья отъ св. Кирика и Іулиты (с. Толстиково) и приближаясь къ кладбищу, я предложилъ имъ зайти на кладбище и показать имъ могилу блаж. Николая Матвѣевича, которую онѣ не знали. Старшая сестра тотчасъ согласилась, а младшая только посмѣялась надъ нами, говоря: „вѣчно Владиміръ Павловичъ и Таничка возятся съ блаженными, да съ юродивыми“, и отказалась

идти съ нами и пошла домой. Въ ту же ночь она видитъ сонъ, будто стоитъ на кладбищѣ у какой-то могилы и кто-то говоритъ ей: посмотри въ могилу. Она увидѣла открытую могилу и совер-

Часовня на могилѣ Н. М. Рынина.

шенно цѣлый гробъ; опять тотъ же голосъ ей говоритъ: „вотъ ты говорила, что Николай Матвѣевичъ не святой, а вотъ его мощи. Сразу Е. Д. М.—ва проснулась и раскаялась въ своемъ сомнѣннн. 4) Вотъ случай прозорливости Н. М. Рынина при жизни. Жило въ Вологдѣ семейство мѣщанъ Дружининыхъ. Была въ то время въ Вологдѣ сильная холера и всѣ, въ томъ числѣ и семья Дружининыхъ, находились въ страхѣ отъ этого Божія меча. Глава дома Михаилъ Григорьевичъ Дружининъ въ

умѣ своемъ дать обѣтъ, въ случаѣ избавленія его семейства отъ болѣзни, возобновить часовню Св. Николаю Чудотворца на р. Вологдѣ, называемую въ просторѣчьи „Никола Мокрый“, но медлилъ исполненіемъ своего обѣщанія. Между тѣмъ холера все усиливалась и уносила много жертвъ. Разъ сидитъ Михайлъ Григорьевичъ у себя дома за чаемъ. Вдругъ вбѣгаетъ Николай Матвѣевичъ и говоритъ: „Михайло, тебя Никола Мокрый дожидается“. Это такъ поразило Михаила Григорьевича, что онъ тотчасъ отправился въ путь и возобновилъ означенную часовню. И Богъ принять его жертву: въ семьѣ Дружинина никто отъ холеры не умеръ.

При жизни Николай Матѣевичъ говорилъ брату Ивану:— когда я умру, ты не ставь надо мною ни креста, ни памятника, не то крышу у тебя сорву. Этотъ завѣтъ братъ исполнилъ: дѣйствительно на могилѣ Николая Матѣевича долгое время не было креста, хотя за это нѣкоторые и упрекали его родныхъ. Первый крестъ на могилѣ Рынина поставила крестьянка Воздвиженскаго прихода изъ за Кадникова (въ 52 вер. отъ Вологды), по такому случаю. Она была больна разслабленіемъ. Ничто не помогало. Разъ, въ сонномъ видѣніи, она слышитъ приказаніе поставить въ Вологдѣ надъ могилою Николая Рынина крестъ, за исполненіе ей обѣщается выздоровленіе. Сновидѣніе повторилось. Духовный отецъ посовѣтовалъ больной исполнить повелѣнное. Лишь только женщина заказала сдѣлать крестъ, почувствовала облегченіе отъ недуга. Сама на своихъ плечахъ рѣшила она донести крестъ до могилы. Помянутая Пищ—на, у дома которой останавливалась женщина уже совершенно здоровая, указала ей то мѣсто, гдѣ погребено тѣло Рынина. До 80 годовъ могила Николая Матѣевича отличалась отъ другихъ развѣ тѣмъ, что была сильно изрыта почитателями юродиваго, берушими изъ нея песочекъ, такъ что крестъ на ней стоялъ покривившись. Въ 80 годахъ, купеческая вдова Наталья М—на Коровина устроила надъ могилой крышу на 4 деревянныхъ столбахъ и довольно высокія перила, а въ 1899 году, почитательница покойнаго А. М. Крылова, построила досчатую часовенку, покрытую желѣзомъ, съ небольшою изъ бѣлаго желѣза главкою и желѣзнымъ крестомъ. Въ часовнѣ 4 окна, входъ въ нее съ западной стороны. На могилѣ поставленъ деревянный крестъ, сама же она покрыта парчевымъ покровомъ. Въ 1905 г., лѣтомъ, неизвѣстнымъ лицомъ часовня окрашена масляною, голубаго цвѣта, краскою, на восточной сторонѣ ея поставленъ столярный, съ золоченною рѣзбою, иконостасъ съ 3 большими образами: въ срединѣ Воскресенія Хрїстова, направо Успенія Божіей Матери, налѣво Николая Святителя (тезоименитаго покойному). На стѣнѣ виситъ портретъ Николая Матѣевича: худое, съ заостреннымъ носомъ, подвижническое лицо, черные задумчивые глаза...

Мѣщанская вдова Екатерина Елисеевна Кинарейкина, донинѣ

здравствующая, рассказываетъ, что Николай Матѣевичъ часто посѣщалъ ихъ домъ и много разъ ночевалъ у нихъ. „Живи осторожнѣ, живи осторожнѣ“, говорилъ онъ отцу моему Елисею Алексѣевичу. Надо бы слушать прозорливца, а отецъ мой, бывшій буфетчикомъ въ трактирѣ, по прежнему былъ доврчивъ къ посѣтителямъ, слѣдствіемъ чего произошло раззореніе отца. Въ нашемъ домѣ вѣрили въ прозорливость Николая Матѣевича. Старецъ однажды приходитъ въ нашъ домъ и ставитъ въ комнатѣ крестъ. Мы испугались, ожидая чего-нибудь печальнаго. Черезъ три дня получаемъ письмо о смерти нашей матери, Маріамны Марковны Кинарейкиной, жившей въ деревнѣ. Нелюбилъ покойный нашей кухарки, какъ только бывало придетъ къ намъ, ворчитъ и бранитъ ее. Потомъ узнали, что кухарка брала украдкой хозяйское добро, за что и пришлось ей отказать.

Вотъ случаи благодатной помощи по молитвѣ раба Божія Николая Матѣевича, относящіеся къ послѣднему времени.

19 Марта 1907 года крестьянинъ Вологодскаго уѣзда, Семеновской волости, дер. Ципоглазова, Павелъ Петровъ Москвинъ, 43 лѣтъ, объявилъ причту Богородицкаго кладбища слѣдующее. Съ весны 1906 года заболѣлъ у меня на правой рукѣ большой палецъ и разболѣлся до такой степени, что отъ боли я не имѣлъ ни минуты покоя. Врачи давали мнѣ лекарства, но пользы и облегченія болѣзни отъ нихъ не было, боли стали напротивъ не выносимѣ. Послѣ долгихъ стараній врачи рѣшили отнять палецъ, но на это я не согласился. Прожилъ я и лѣто и осень въ совершенномъ бездѣйствіи, даже топора не могъ взять въ руки. Къ концу осени боль усилилась до такой степени, что я задумывалъ было самъ отрубить себѣ палецъ. Въ Введеніевъ день (21 Ноября) мои односельчане принесли книжку о Ник. Матѣевичѣ Рынинѣ. Жена моя грамотная, она въ тотъ же вечеръ прочитала рассказъ о вологодскомъ молитвенникѣ. Съ того времени сталъ я думать о Николаѣ Матѣевичѣ, сталъ молитвенно призывать его и далъ обѣтъ сходить на могилу, помолиться предъ его гробницею. 6 Декабря я пришелъ въ кладбищенскую церковь помолиться. Во время Херувимской пѣсни мысли мои были о рабѣ Божіемъ Николаѣ Матѣевичѣ. И вотъ здѣсь въ храмѣ я почувствовалъ, что съ больнаго пальца какъ бы что-то спало и боль въ рукѣ сама собой утихла; черезъ 2 недѣли я уже окончательно поправился. Тогда же (6 Декабря) Москвиновъ отслужилъ панихиду, а 19 Марта 1907 года въ день памяти Н. М. Рынина снова пришелъ возблагодарить Господа Бога за исцѣленіе по ходатайству молитвенному за него предъ Всевышнимъ раба Божія Николая Рынина.

Крестьянинъ Народовской волости, дер. Епифанки, Вологод. у., Василій Филипповъ Оедотовъ рассказывалъ 2 Февраля 1908 года. Въ Сентябрѣ 1907 года во время молотбы хлѣба на гумнѣ я свалился съ воза и сильно разшибся, послѣ сего почувствовалъ

жаръ и разслабленіе во всемъ тѣлѣ; съ теченіемъ времени появилась у меня сильная постоянная головная боль какъ бы отъ угара. Болѣзнь мучила меня 4 мѣсяца. За это время я побывалъ въ Вологдѣ и получилъ книжку о Н. М. Рынинѣ; изъ нея я узналъ, что угодникъ Божій помогаетъ больнымъ, и самъ сталъ просить у него помощи, причемъ далъ обѣщаніе сходить пѣшкомъ въ Вологду (верстъ за 70) и отпѣть панихиду на могилѣ у Николая Матѣевича, если почувствую облегченіе болѣзни. Болѣзнь моя скорѣ же послѣ сего обѣщанія прекратилась и 2 Февраля 1908 года Богъ привелъ меня исполнить свое обѣщаніе—отпѣть панихиду и поклониться праху приснопамятнаго раба Божія.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1908 года настоятелемъ Богородицкаго кладбища получено было знаменательное письмо изъ Петербурга.

„Я жена крестьянина Вологодской губерніи и уѣзда Турundaевской волости, деревни Ерилова Анна Зародова, проживаемъ мы съ мужемъ въ Петербургѣ (адресъ нашъ: За Невской заставой село Александровское, Конторская улица, домъ № 20, квар. 11-я). Мужъ мой былъ въ Вологдѣ 1908 года 21 Января, ходилъ онъ на могилу блаженнаго Николая на Богородское кладбище, отслужилъ тамъ панихиду и взялъ съ собой земельки. 22 Января мужъ вернулся домой изъ Вологды, а 28 Января меня постигла тяжкая болѣзнь. Моментально отнялась у меня правая рука и нога и языкъ, а ротъ мой искосило. Я лежала въ такомъ положеніи съ часъ. Сестра моя пошла за докторомъ, но доктора не привела, не застала дома. Время шло, я все лежала въ одномъ положеніи. Въ головѣ мужа блеснула мысль—взять земельки, привезенной съ могилы блаженнаго Николая и опустить земельку въ стаканъ съ водой. Онъ подалъ стаканъ сестрѣ моей, а самъ пошелъ за другимъ докторомъ. Когда сестра дала мнѣ выпить этой воды, глонула я и тутъ же проговорила: дай и еще. Ротъ у меня исправился и языкъ пришелъ въ чувство. Когда я приняла еще этой воды, то очувствовались рука и нога. Приходитъ мужъ съ докторомъ, а я ужъ сижу на диванѣ совершенно здоровая.

Былъ со мной второй случай 13-го Сентября. Заболѣла я очень тяжело. Были всѣ признаки холеры. И взмолилась я: помощникъ мой, великій святой блаженный Николай! На той же я землѣ росла, гдѣ ты спасался, быть можетъ когда нибудь я и шла тутъ, гдѣ ты ходилъ и разъ ты спасъ меня отъ смерти и еще спаси меня отъ такой тяжелой болѣзни, не отступлюсь я, просить тебя буду, пока говоритъ языкъ мой и пока не отнялся умъ мой. Я вѣрю, что ты помощникъ мой великій и ходатай предъ Господомъ Богомъ. И въ этотъ разъ мужъ далъ мнѣ воды съ земелькой отъ могилы блаженнаго Николая и поправилась я. Тогда же я рѣшила послать на масло для лампы предъ гробницею блаженнаго Николая и съ сестрой своей посылаю 3 рубля“. Всѣ эти случая ясно показываютъ, что Николай Матѣевичъ Рынинъ былъ не простой человѣкъ, а лицо, ближе стоящее къ Богу,

чѣмъ мы грѣшные, и что въ немъ мы, вологжане, имѣемъ особаго ходатая и заступника въ нашихъ нуждахъ предъ Богомъ.

За послѣдніе годы рѣдкій день пройдетъ, чтобы кто нибудь не пришелъ на могилку Николая Матѣевича и не отпѣлъ бы панихиды по немъ. Часто причту приходится быть свидѣтелемъ горячихъ молитвъ посѣтителей о покойномъ подвижникѣ, многіе прибѣгаютъ къ нему, какъ къ Угоднику Божію и просятъ ходатайства его предъ Богомъ, нѣкоторые идутъ на могилку его, чтобы молитвою за него воздать благодарность за полученныя уже благодѣянія по его ходатайству. И какія теплыя молитвы льются у этихъ людей за приснопамятнаго раба Божія Николая! Разказами этихъ крѣпкихъ вѣрою и сильныхъ молитвою богомольцевъ о милости Божіей, явленной молитвами Николая Матѣевича, невольно умиляется душа.

Иеромонахъ Неофитъ.
